

На правах рукописи

ТИХОНОВ Виталий Витальевич

**СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
В УСЛОВИЯХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КАМПАНИЙ
середины 1940-х – начала 1950-х годов**

**Специальность – 07.00.09 – Историография, источни-
коведение и методы исторического исследования**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Москва 2018

Работа выполнена в Центре «Историческая наука России» Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт российской истории Российской академии наук

Официальные оппоненты: **Дубровский Александр Михайлович**, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Брянского государственного университета им. академика И.Г. Пиотровского
Зеленов Михаил Владимирович, доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории
Свешников Антон Вадимович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский государственный университет»

Защита состоится «16» октября 2018 г. в 11.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.018.02, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт российской истории РАН по адресу: *117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.*

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ИРИ РАН и на сайте ИРИ РАН: <http://www.iriran.ru>

Автореферат разослан « » _____ 2018 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук

В.С. Батченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. История «позднего сталинизма» (середина 1940-х – начало 1950-х гг.) остается одним из магистральных направлений исследований советской истории. Под «поздним сталинизмом» принято понимать период после Великой Отечественной войны и до смерти И.В. Сталина в марте 1953 года. В это время разоренный, но вышедший из войны победителем, Советский Союз превращается в сверхдержаву, становясь в международных отношениях ключевым игроком и одним из полюсов притяжения. Вскоре началась «холодная война», серьезно влиявшая, а часто и определявшая внутривнутриполитический вектор развития. Внутри страны происходит укрепление режима личной власти И.В. Сталина, а его культ достигает апогея. Старейший «вождь», сконцентрировав в своих руках все нити управления огромной страной, все больше уделял внимание идеологическим вопросам. Характерной чертой «позднего сталинизма» стали идеологические кампании (под этим подразумевается система интенсивных идеологически окрашенных мероприятий, направленных на достижение конкретной политической цели), задачей которых являлась мобилизация населения в условиях противостояния с западом.

Историческая наука последнего сталинского десятилетия не обделена вниманием исследователей. Сравнительно недавно было опубликовано несколько монографий, освещающих развитие историографии в указанный период. Этот интерес не случаен и обусловлен несколькими причинами. Во-первых, исследовательской логикой, диктующей необходимость последовательно «осваивать» малоизученные периоды, выстраивая их в единую эволюционную цепочку. Именно изучение послевоенного времени оказалось необходимым шагом для цельного осмысления сложного развития советской исторической науки. Во-вторых, общим для современной исторической науки вниманием к эпохе «позднего сталинизма», оказавшейся ключевой развилкой в развитии советской системы, где сталинизм, с одной стороны, достиг апогея, а с другой – зрели процессы, подготовившие десталинизацию. В-третьих, именно послевоенное время является периодом окончательного формирования собственно советской исторической науки (до этого научную среду можно было называть, из-за значительного числа историков «старой школы», «советской» с определенной долей

условности) и ее инфраструктуры. В этом смысле именно эта эпоха оказывается ключевой для понимания как достижений советских историков, так и выявления причин упадка и разрушения советского «историографического колосса».

Есть и еще одна, отнюдь не последняя, причина, почему идеологические кампании заслуживают самого пристального внимания. Дело в том, что через горнило кампаний прошли практически все историки, впоследствии ставшие гордостью советской, а затем и российской исторической науки, символом ее достижений и традиций. Многочисленные биографии, посвященные уходящему поколению классиков, в которых послевоенные погромы неизбежно всплывают в качестве биографических фактов, нередко засорены ошибками и оценочными передержками.

Объектом исследования является советская историческая наука в условиях идеологических кампаний «позднего сталинизма» (середина 1940-х – 1953 г.). **Предметом** – корпорация советских историков и влияние на нее идеологических кампаний и дискуссий; влияние идеологии на исторические исследования.

Хронологические рамки диссертации охватывают 1930 – начало 50-х гг. Обращение к 1930 – первой половине 40-х гг. обусловлено необходимостью проследить формирование и эволюцию сталинской исторической идеологии. Особый акцент сделан на период «позднего» (послевоенного) сталинизма. Верхний хронологический рубеж – начало 1950-х гг. – определяется смертью И.В. Сталина и началом процесса десталинизации советской политической системы.

Территориальные рамки исследования ограничиваются столицами – Москвой и Ленинградом. Преимущество отдается Москве. Это связано с тем, что именно здесь, где были сосредоточены ведущие научные силы страны Советов, идеологические кампании прошли наиболее шумно, а полученный материал может служить прочным фундаментом в объяснении процессов. В центре внимания оказывается Институт истории АН СССР (включая и Ленинградское отделение Института истории). Кроме того, анализируется ход кампаний на Историческом факультете МГУ, в Московском историко-архивном институте, Московской высшей партийной школе и Институте истории материальной культуры АН СССР.

Цель исследования – реконструкция развития корпорации советских историков в условиях идеологических кампаний «позднего сталинизма», а также анализ влияния идеологических процес-

сов на исторические исследования. Такая постановка вопроса определяет следующие **задачи**:

- 1) общая характеристика эволюции исторической идеологии сталинского периода;
- 2) исследование развития среды профессиональных историков и студентов-историков в 1930-е – первой половине 1940-х гг.;
- 3) выявление механизмов функционирования среды профессиональных историков в послевоенное время;
- 4) анализ взаимодействия корпорации историков с институтами и представителями власти;
- 5) реконструкция влияния идеологических кампаний и дискуссий «позднего сталинизма» на различные группы советских историков;
- 6) изучение влияния идеологических процессов на институциональное и концептуальное развитие советской исторической науки;
- 7) исследование последствий идеологических кампаний для корпорации советских историков.

Степень изученности темы. Советская историческая наука 1920–50-х гг. – феномен противоречивый и неоднозначный, поэтому ее оценки также не отличаются единообразием. Продолжающиеся дискуссии о специфике ее развития, сущностных характеристиках, наследии и т.д. только это подчеркивают. Историкографическая традиция осмысления данного периода неразрывно связана с феноменом сталинизма¹. Причем на это указывалось еще в советское время. Так, в «Очерках истории исторической науки в СССР», несмотря на господство в них концепции поступательного развития исторической науки путем усвоения ленинских идей, признавалось, «развитие исторической науки тормозилось из-за имевших тогда место нарушений ленинских норм партийной жизни, проявлений, начетничества, догматизма, что было связано с культом личности И.В. Сталина»². Тем не менее, труды, касающиеся истории исторической науки военного и послевоенного периода продолжали писаться в духе «официального оптимизма»³. Наиболее ярко это проявилось в монографии

¹ Об осмыслении сталинизма в отечественной и зарубежной историографии см.: Историография сталинизма. Сб. ст. / под ред. Н.А. Симония. М., 2007; *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009; *Чельцова Е.А.* Феномен «сталинизма» в отечественной историографии // Проблемы российской историографии середины XIX – начала XX в. М., 2012. С. 206–278.

² Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1965. Т. 5. С. 6.

³ Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун. М., 2011. С. 9.

А.С. Барсенкова⁴. Несмотря на явные недостатки, обусловленные временем, данные работы вводили в научный оборот определенную фактическую базу и ряд интересных наблюдений.

С иных позиций советская историческая наука оценивалась в зарубежной историографии. Так, С. Томпкинс и А. Мазур, рассмотревшие процесс развития исторической науки в СССР в 1920–30-е гг., пришли к выводу, что в 30-е гг. советская историография превратилась в послушное орудие партии⁵. Особое внимание уделялось культуре личности Сталина. В схожем ключе рассуждали авторы известного сборника «Переписывая русскую историю», которые видели основную тенденцию в переходе исторической науки под контроль идеологии и нарастании догматизма⁶. К.Ф. Штеппа в своей монографии «Русские историки и советское государство» (1962) вообще отказывал советским историкам в научности⁷.

Если в СССР единственно правильной признавалась концепция поступательного развития советской исторической науки, то в конце 1980-х – начале 1990-х гг. стали звучать диаметрально противоположные высказывания. На фоне концепции тоталитаризма историческая наука в СССР часто стала представляться либо как безвольная служанка идеологии, либо как жертва тоталитарного режима⁸. Из печати вышла серия монографий и сборников очерков, в которых показывалась непростая судьба историков в сталинскую эпоху⁹.

Наиболее известным изданием, где критический подход к советской историографии был доведен до логического конца, стала коллективная монография «Советская историография» под редакцией Ю.Н. Афанасьева. В программной статье, предварявшей издание, Ю.Н. Афанасьев оценил советскую историографию как «особый научно-политический феномен, гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслу-

⁴ Барсенков А.С. Советская историческая наука в послевоенные годы: 1945–1955. М., 1988.

⁵ Соловей В.Д. Процесс становления советской исторической науки (1917 – середина 30-х гг.) в освещении американской и английской историографии // История СССР. 1988. № 4. С. 201–202.

⁶ Black C.E. History and politics in the Soviet Union // *Rewriting Russian History*. 2-ed. New York, 1962. Pp. 3–33.

⁷ Соловей В.Д. Указ. соч. С. 205.

⁸ См.: История и сталинизм. Сб. ст. / сост. А.Н. Мерцалов. М., 1991.

⁹ Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992; Литвин А.Л. Без права на мысль. Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб. Казань, 1994; Пугачев В.В., Динес В.А. Историки, избравшие путь Галилея. Статьи, очерки. Саратов, 1995, и др.

живанию его идейно-политических потребностей»¹⁰. По сути, отрицался статус советской историографии как науки. Статьи, составившие книгу, отстаивали тезис, согласно которому существовал «нормальный мир» западной науки и «ненормальный», советский мир.

Параллельно выходили и другие издания, где давались несколько другие оценки. Например, Институтом российской истории РАН была опубликована коллективная монография «Историческая наука России в XX веке»¹¹. Пафос издания заключался в том, что советская историческая наука, несмотря на идеологический пресс, имела значительные достижения, объективная оценка которых – задача историографии. Заметим, что данный постулат не увел авторов от показа репрессий и влияния идеологии на развитие советской науки.

Большой интерес представляет диссертация М.А. Леушина «Документы ВКП (б) (КПСС) как источник по истории исторической науки в СССР: 1945–1955 гг.» (М., 2000). Исследователь предлагает источниковедческий ракурс проблемы, анализирует основные комплексы опубликованных и архивных источников. В работе показана колоссальная важность партийных документов для реконструкции истории исторической науки в указанный период. Автор одним из первых в историографических исследованиях обратил внимание на важность протоколов партсобраний и заседаний партбюро научных и научно-образовательных учреждений. Сильной стороной диссертации является введение в научный оборот множества ранее не известных источников и фактов.

Нельзя сказать, что в 2000-е гг. ситуация кардинально изменилась. Тем не менее, изучение фактов и поиск новых методик исследования продолжается. На фоне весьма заметных изменений в историографических исследованиях формируется целый ряд новых подходов к изучению советской исторической науки в 1930–1950-е гг. Отметим лишь те, которые непосредственно касаются избранной проблематики. Первый из них ориентирован на анализ трансформации советской исторической науки в рамках концепции «национал-большевизма». Наиболее цельно данный подход был выражен в монографии Д.Л. Бранденбергера¹² и в книге А.М. Дубровского¹³.

¹⁰ *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // Советская историография / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 37.

¹¹ Историческая наука России в XX веке / Отв. ред. Г.Д. Алексеева. М., 1997.

¹² *Brandenberger D.L.* National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and the formation national identity, 1931–1945. Cambridge, Massachusetts – London, 2002; *Бранденбергер Д.*

В работе А.М. Дубровского, насыщенной архивными документами, абсолютное большинство которых вводится в научный оборот впервые, подробно разобран процесс развития в 1930-е гг. исторической науки в идеологическом контексте. Детально освещается создание новых школьных учебников. Большое внимание уделено военному и послевоенному времени, показаны основные события идеологических кампаний и их влияние на историческую науку. Между тем, автор ориентирован на изучение взаимосвязи истории и идеологии, и не всегда ставит своей целью рассмотрение корпорации историков как самостоятельного феномена и субъекта процесса. Вне поля зрения историографа оказались многие процессы, проходившие внутри научно-исторического сообщества.

Данный пробел в значительной степени заполняют работы Л.А. Сидоровой¹⁴, являющиеся примером структуралистски ориентированной историографии с элементами историко-антропологического подхода. В них в качестве устойчивой структуры выделяются поколения (генерации) историков, которые в работах этого автора предстают интегральной категорией, позволяющей не только вычленить особенности научного творчества, присущие разным поколениям, но выйти на изучение повседневной жизни историков, рассмотреть субкультуры, сформировавшиеся в их среде. Главное, что такой взгляд позволяет рассмотреть сообщество профессиональных историков не как нечто безлико серое, но как сложную комбинацию различных групп и личностей, с их стратегиями научного творчества и поведения в рамках корпорации¹⁵. Некоторые сюжеты, относящиеся к идеологическим кампа-

Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009. В 2017 г. вышел исправленный и дополненный вариант монографии: *Бранденбергер Д.* Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М., 2017.

¹³ *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. В 2017 г. вышел исправленный и дополненный вариант монографии: *Дубровский А.М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М., 2017.

¹⁴ *Сидорова Л.А.* Проблема «отцов и детей» в историческом сообществе // *История и историки.* 2002. М., 2002. С. 29–42; *Она же.* Духовный мир историков «старой школы»: эмиграция внешняя и внутренняя. 1920-е годы // *История и историки.* 2003. М., 2003. С. 168–192; *Она же.* Межличностные коммуникации трех поколений советских историков // *Отечественная история.* 2008. № 2. С. 129–137; *Она же.* Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений историков. М., 2008 и мн. др.

¹⁵ *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века. С. 97.

ниям позднего сталинизма, можно найти в монографии Л.А. Сидоровой, посвященной исторической науке эпохи «Оттепели»¹⁶. В ней рассматриваются гонения на историков С.Б. Веселовского, А.И. Андреева, обсуждение «Истории Казахской ССР» и т.д.

Плодотворным можно признать и подход, предполагающий исследование советской исторической науки через призму ключевых для нее проблем. На широком круге источников, большей частью архивных, он был реализован в монографии С.В. Кондратьева и Т.Н. Кондратьевой. Анализируя споры вокруг французского абсолютизма, авторы показали полемику и столкновение различных ученых на личностном уровне. Особое внимание было уделено такой колоритной фигуре, как Б.Ф. Поршнев¹⁷.

По-новому позволяет взглянуть на советскую историческую науку монография канадско-украинского историка Сергея Екельчика¹⁸. Автор отказался от взгляда на историков как на безвольных слуг режима и показал, как украинские историки принимали самое деятельное участие в создании советской концепции истории Украины. В этом смысле можно говорить об активном, хотя и специфическом, сотрудничестве власти и национальных историков.

В рамках омской историографической школы вышло несколько трудов, касающихся разбираемого хронологического отрезка. Среди них и диссертационные исследования Н.В. Кефнер¹⁹ и Н.А. Кныш²⁰, рассматривающие послевоенную историческую науку через призму менталитета и повседневной жизни ее творцов (как историков, так и идеологов).

Особое внимание омские исследователи уделили изучению образа науки в послевоенное время. Первоначально В.П. Корзун использовала апробированную в науковедении категорию «образ науки» для анализа историографической ситуации рубежа XIX–XX вв. Данная категория, по мысли историка, должна дополняться культурно-историческим подходом. Это позволило В.П. Корзун

¹⁶ Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997. Глава 1.

¹⁷ Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е – начало 50-х гг. XX века). Тюмень, 2003.

¹⁸ Екельчик С. Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. Київ, 2008.

¹⁹ Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков. Автореф. дис. ... на соиск. кин. Омск, 2006.

²⁰ Кныш Н.А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие. Автореф. дис. ... на соиск. кин. Омск, 2009.

рассмотреть представления ученых-историков о собственной профессии на широком культурно-историческом фоне²¹. Логическим следствием применения данного подхода стало появление коллективной монографии «Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг.»²². В книге поднимаются многие темы: социальное пространство бытования советской науки и его изменение, роль отдельных личностей, их поведенческие стратегии. Центральной проблемой является анализ образа науки, транслируемого сверху идеологами, и рецепции его сообществом профессиональных историков. У предложенного подхода есть как плюсы, так и определенные минусы. Концентрация на изучении образа науки в условиях советского государства неизбежно акцентирует исследователя на изучение официозных текстов и дискурирует практик, оставляя зачастую за скобками реальные представления и социальные стратегии ученых.

По сути антропологический характер имеет концепция известного специалиста по истории Французской революции А.В. Гордона. Для осмысления феномена советской исторической науки он оперирует термином «культура партийности». «Культура партийности», в понимании автора, это специфический элемент советской историографии, основанный на возведенных в религиозную догму требований, пришедших из партийных кругов²³. Все это воплощалось в «каноне», своде непреложных истин (теории отражения, формации, классовой борьбы и т.д.), освященном авторитетом классиков марксизма-ленинизма, и рьяно охраняемом идеологами. При этом А.В. Гордон признает известную автономность многих областей исторического знания, указывает, что на конкретно-описательном уровне влияние канона было слабым. Страдали, по мнению автора, теоретические исследования. Несмотря на указанные черты, исследователь все же признает советскую историографию наукой, имеющей все компоненты научного знания.

Еще один подход к изучению советской исторической науки был предложен А.Л. Юргановым. Для осмысления феномена сталинизма в исторической науке автор вводит понятие «жизненный

²¹ Корзун В.П. *Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв.* Екатеринбург-Омск, 2000.

²² *Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг.* / под ред. В.П. Корзун. М., 2011.

²³ *Гордон А.В. Великая Французская революция в советской историографии.* М., 2009. С. 9.

мир» историков, подчеркивая, что адекватно объяснить эпоху можно только поняв смысловой контекст жизни ее вольных и невольных творцов. Основное внимание в монографии, насыщенной новыми источниками, уделяется поиску в 1930–40-е гг. советскими историками концептуального консенсуса по проблеме формирования русского национального государства. При этом Юрганов подчеркивает, что «сталинизм в исторической науке – это не только давление сверху, но и постепенное, добровольное – со стороны большинства историков – включение в свой жизненный мир цитат из трудов Сталина»²⁴. В этих условиях Сталин представляется автором книги своеобразным «модератором» идеологической системы, в которой абсолютной истиной обладает только он сам, а остальные пытаются приблизиться к ней.

История археологии, в том числе и последнего сталинского десятилетия, представлена в монографии известного историка А.А. Формозова²⁵. В ней через судьбы археологов автор стремится показать колоссальный урон, который нанесло науке вмешательство идеологии. Сложность процесса функционирования археологии и этнологии в условиях позднего сталинизма раскрыта в статье С.С. Алымова. По его мнению, «наука, будучи частью идеологии (в широком смысле), развивалась не столько в сугубой зависимости от нее, сколько параллельно, в связке с ней, впитывая также различные черты культуры своего времени»²⁶. Влиянию послевоенной эпохи на изучение истории античности посвятили отдельные разделы своих монографий Э.Д. Фролов²⁷ и С.Б. Крих²⁸. Судьбы славяноведения подробно рассмотрены в работах М.Ю. Досталь²⁹.

²⁴ Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 12.

²⁵ Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. 2-е изд. М., 2006.

²⁶ Алымов С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 97 // <http://polit.ru/article/2009/08/26/alymov/> (дата обращения – 24.05.2017).

²⁷ Фролов Э.Д. Русская наука об Античности. Историографические очерки. 2-е изд. СПб., 2006. С. 437–560.

²⁸ Крих С.Б. Образ древности в советской историографии. М., 2013.

²⁹ Досталь М.Ю. 1) Кафедра славянской филологии в МГУ (1943–1948) // Славяноведение. 2003. № 5. С. 32–47; 2) «Пичетники» на кафедре истории южных и западных славян в МГУ (1943–1947) // История и историки: историографический вестник. 2006. М., 2007; 3) Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М., 2009; 4) Проблемы этногенеза славян в трудах отечественных ученых в годы Второй мировой войны и первые послевоенные годы // История и историки: историографический вестник. 2009–2010. М., 2012. С. 98–117, и др.

Большой интерес представляет статья А.В. Свешникова, освещающая процесс влияния идеологии на советскую медиэвистику в 1930–40-е гг. В ней показан механизм мобилизации знания о средневековье в политических целях, вовлечение корпорации медиэвистов в идеологическую систему. По наблюдению автора, именно в послевоенное время происходит «советизация» отечественной медиэвистики. По его мнению, «космополитизм был лишь внешней, случайной, по сути, формой, в которую воплотилась ищущая выхода “жажда борьбы” разных поколений и группировок. Поиски врага шли еще до начала развязывания этой кампании»³⁰.

В осмыслении судеб историков-медиэвистов важна работа В. Рыжковского, подчеркивающего роль внутрикорпоративных конфликтов в условиях идеологического прессинга. Рассматривая сущность идеологических кампаний в исторической науке, он пишет: «С точки зрения социальной истории сама череда кампаний совершенно справедливо рассматривается как форма, в которой нашла выход борьба остепенившихся к тому времени «красных» профессоров за возросшие привилегии академического поля, что предполагало отеснение старой группы специалистов»³¹. Впрочем, последнее утверждение, как представляется, недостаточно полно отражает реальность.

В определенном смысле промежуточный итог изучению советской исторической науки сталинской эпохи подводится в монографии О. Каппеса³². Работа построена вокруг двух основных проблем: взаимоотношению корпорации историков с советской властью и самопрезентации исторической науки в постсоветских историографических исследованиях и мемуарах. Автор сравнивает немецкий опыт существования науки при нацистском режиме и «проработки» в последующем прошлого своей дисциплины немецкими историками. Он исходит из положения об особом феномене «воинственной» науки, являющейся частью идеологических практик диктаторского режима. Этос «воинственной» науки проецировался не только на исторические исследования, но и формировал характерные способы поведения ученых в данной культу-

³⁰ Свешников А.В. Советская медиэвистика в идеологической борьбе конца 1930–1940-х годов // Новое литературное обозрение. 2008. № 90 // <http://www.polit.ru/article/2008/07/09/medievistika/> (дата обращения – 04.03.2015).

³¹ Рыжковский В. Советская медиэвистика and beyond // Новое литературное обозрение. 2009. № 97. http://polit.ru/article/2009/09/18/ryzhkovskiy/#_ednref26 (дата обращения 25.05.2014).

³² Каппес О. «Воинственная наука»: Проработка прошлого диктатур в германской и российской историографиях второй половины XX века. М., 2015.

ре³³. Для объяснения степени вовлеченности исторической науки в партийно-государственную систему О. Каппес использует понятие ««ступенчатого» компромисса», заключающегося в серии уступок власти, совершенных к взаимной выгоде. По мнению исследователя, ступени компромисса оказались следующими: 1) избегание открытого противостояния с властью; 2) постепенное, часто ритуальное, включение идеологических основ в научные труды; 3) совпадение интересов власти и историков, позволяющее найти точки соприкосновения для добровольного сотрудничества. В случае с советской исторической наукой таким совпадением интересов стал «поворот 1934 г.», когда частично были возвращены дореволюционные нормы исследования и статусы историков³⁴.

Вторым вектором анализа О. Каппеса стала деконструкция самопрезентации наследников советской исторической науки. По его мнению, стремление оправдать и смягчить критику по отношению к компромиссу сталинских времен объясняется стремлением к положительному «самописанию» дисциплины, а также боязнью потерять символический капитал учеными, пришедшими в профессию в советское время.

Помимо комплексных исследований своеобразный историографический комплекс образуют издания, посвященные научным и научно-образовательным институтам (университетам, кафедрам, академическим институтам и т.д.)³⁵.

Огромное количество работ носят персонифицированный характер. Различные тезисы докладов, статьи, публикации источников и монографии посвящены судьбам конкретных историков и касаются и интересующих нас сюжетов.

Значительное внимание в историографии³⁶ уделялось влиянию идеологических кампаний и дискуссий на различные научные дисциплины. Особый интерес привлекли дискуссия по языковед-

³³ Там же. С. 81. Примечание 82.

³⁴ Там же. С. 243–257.

³⁵ Историческая наука в Московском университете. 1934–1984. М., 1984; *Брачев Б.С., Дворниченко А.Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета. СПб., 2004; *Простоловцова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990; *Хорхордина Т.И.* 1) Корни и крона: Штрихи к портрету Историко-архивного института (1930–1991). М., 1997; 2) Гуманитарный университет в Москве. История идеи. М., 2012; и др.

³⁶ Обзор литературы об кампании против космополитизма см.: *Генина Е.С.* Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР в оценках отечественных исследователей 1990-х – начала 2000-х гг. // Вестник Кемеровского Государственного университета. 2011. № 4. С. 22–27.

нию³⁷, феномен судов чести и особенно «дело КР»³⁸, обсуждение книги Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии»³⁹, физическая дискуссия 1949 г.⁴⁰, влияния идеологии на филологию⁴¹ и т.д. Общие особенности развития общественных наук попыталась проследить Т.А. Булыгина⁴², А.В. Пыжиков и А.А. Данилов⁴³, а также Р.Ш. Ганелин⁴⁴. В этих работах показаны негативные последствия вторжения идеологии в научный процесс.

Нельзя не упомянуть и работы Г.В. Костырченко, посвященные проблеме взаимоотношения интеллигенции еврейского происхождения и советской власти. В них ярко показан антисемитский подтекст идеологических процессов послевоенного времени⁴⁵. В последнее десятилетие все очевиднее тенденция к регионализации исследований, изучению того, как идеологические кампании проявились в различных регионах, местных образовательных и научных центрах.

До сих пор единственной монографией, где делалась бы попытка рассмотреть идеологические дискуссии послевоенного времени как единый комплекс, является книга Е. Поллака⁴⁶. Автор рассматривает научные дискуссии как органичный элемент советской (сталинской) политической системы. Их прохождение анализируется в контексте сложной идеологической и социальной комбинации последнего сталинского десятилетия. Достоинством ра-

³⁷ Алтатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. 2-е изд. 2004; Илизаров Б.С. Почетный академик Сталин и академик Марр. М., 2012.

³⁸ Есаков В.Д., Левина В.Д. Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001; Есаков В.Д., Левина Е.С. Сталинские «суды чести». Дело КР. М., 2005.

³⁹ Есаков В.Д. К истории философской дискуссии 1947 года // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 83–106.

⁴⁰ Сонин А.С. «Физический идеализм»: История одной идеологической кампании. М., 1994.

⁴¹ Богданов К. Наука в эпическую эпоху: классика фольклора, классическая филология и классовая солидарность // Новое литературное обозрение. 2006. № 78 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/78/bog5.html> (дата обращения – 26.05.2014); Дружинин П.А. Идеология и филология: Ленинград, 1940-е годы. Т. 1–2. М., 2012.

⁴² Булыгина Т.А. Общественные науки в СССР 1945–1955 гг. М., 2000.

⁴³ Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М., 2002. С. 156–207.

⁴⁴ Ганелин Р.Ш. О борьбе с космополитами в общественных науках в конце 1940-х – начале 1950-х годов // Уроки истории-уроки историка: Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996). СПб., 2012. С. 204–224.

⁴⁵ Костырченко Г.В. 1) В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в последнее сталинское десятилетие. М., 1994; 2) Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001. 2-е изд. 2003; 3) Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009.

⁴⁶ Pollock E. Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton-Oxford, 2006.

боты является широкое привлечение архивных документов (преимущественно из фондов РГАСПИ).

На обобщающий характер претендует и коллективная монография «Идеология и наука (дискуссии советских ученых середины XX века)»⁴⁷. В ней показаны дискуссии в советской науке, анализируется их идеологический контекст. Дискуссии рассматриваются как одна из форм взаимодействия между наукой и властью. В издании подчеркивается, что, несмотря на вторжение идеологии в дискуссии, чисто идеологическими их назвать нельзя. Признается использование учеными ситуации в своих внутрикорпоративных конфликтах. Особый интерес представляет поворот ракурса изучения от столиц к провинции. Делается вывод, что в провинции дискуссии проходили с заметной спецификой, обусловленной особенностями региональной науки.

В 2011 г. из печати вышла фундаментальная монография А.С. Сониной, в которой предложена попытка анализа влияния идеологических кампаний на развитие советской науки. Он исходит из того, что антикосмополитическая кампания, формально развернутая в 1949 г., на самом деле началась значительно раньше и вся череда идеологических кампаний – это, по сути, разгром «космополитов», борьба против контактов советской интеллигенции с Западом⁴⁸. Представляется, что подобный подход, имеющий, возможно, право на существование применительно к истории науки в целом, на материалах исторической науки работает плохо. Он не объясняет, почему одних историков обвиняли только в «буржуазном объективизме», но не в «космополитизме», и наоборот.

Представленный обзор научной литературы по теме показывает, что она вполне вписывается в общие тенденции эволюции историографии советской истории. Можно выделить несколько периодов в ее развитии. В первый период (1960–1980-е гг.) изучение проблемы проходило в условиях идеологического противостояния, историки (как советские, так и зарубежные) имели ограниченный доступ к источникам. Второй период (1990-е гг.) характеризуется формированием единого историографического пространства, открытием доступа ко многим архивным фондам, господствующей объяснительной моделью в России становится тоталитарная теория. Особенности третьего периода (2000–

⁴⁷ Идеология и наука (дискуссии советских ученых середины XX века) / Отв. ред. А.А. Касьян. М., 2008.

⁴⁸ Сонин А.С. Борьба с космополитизмом в советской науке. М., 2011.

2010-е гг.) является усиление интереса к изучению «позднего сталинизма», расширение источниковой базы, расширение территориальных рамок и появлением новых интерпретаций, в российской историографии происходит отход от тоталитарной теории.

Суммируя, можно сделать следующие выводы. Во-первых, наблюдается продолжающийся поиск приемлемой модели для интерпретации взаимоотношений науки и власти в последнее сталинское десятилетие. Впрочем, уже сейчас очевидно, что многогранность феномена советской исторической науки как части советской цивилизации не позволяет охватить всю совокупность явлений при помощи единой концепции. Во-вторых, заметен особый акцент в литературе на кампанию по борьбе с «безродным космополитизмом», что привело к практическому игнорированию череды других идеологических мероприятий. В-третьих, наблюдается отсутствие полноценного труда, более или менее полно описывающего идеологические кампании в исторической науке. Множество проблем так и остались практически не поднятыми (влияние идеологических кампаний на школьное преподавание, слабо изучен процесс написания «национальных историй», фрагментарно описано прохождение идеологических кампаний в региональных вузах и т.д.) и еще ждут полноценного исследования. В-четвертых, бросается в глаза преимущественное использование одних и тех же архивных комплексов и игнорирование других.

Источники исследования. Источниковая база исследования формировалась в зависимости от поставленных задач и территориальных рамок. Сложность предмета исследования, находящегося на стыке научной и общественно-политической жизни, потребовала мобилизации источников различного происхождения. Практика показала, что адекватное изучение советской исторической науки возможно только при комплексном анализе опубликованных трудов историков, официальных постановлений, документов архивных фондов партийно-государственных и научных учреждений, а также материалов личных фондов историков.

В настоящей работе были использованы как опубликованные⁴⁹, так и неопубликованные источники. В данном исследова-

⁴⁹ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000; Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике / Сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М., 2002; «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история. в 2 частях. Ч. 1. / Авторы-сост. М.В. Зеленев, Д. Бранденбергер. М., 2014; «Учебник должен пользоваться непререкаемым авторитетом»: Беседы И.В. Сталина с учены-

нии видовая структура использованных источников довольно разнообразна. Акцент на идеологическую составляющую предполагает повышенное внимание к текстам, задававшим политические координаты советской действительности. В первую очередь имеются в виду сочинения И.В. Сталина. Здесь следует подчеркнуть их особое свойство, заключающееся в многофункциональном характере. Будучи плодом сочинительства одного человека, они одновременно являются и документами партии, и публицистическими сочинениями, и научными трактатами. Такая функциональная сложность предопределила и их особенности бытования в идеологическом пространстве. Схожими характеристиками обладают и тексты других партийных лидеров: Г.Ф. Александрова, А.А. Жданова и др. Правда, степень их «сакральности» была значительно ниже и они не обладали статусом непогрешимых.

Многочисленные директивные статьи, опубликованные в ведущих журналах и газетах, играли не менее важную роль. По верному наблюдению В.П. Корзун и Д.М. Колеватова, характерной чертой этих источников является «высокая степень клишированности»⁵⁰. Их можно разделить на публикации в официальной и «полуофициальной» прессе. К первой можно отнести публикации в газетах «Правда», «Культура и жизнь» и журнале «Большевик». А вот «Литературная газета», будучи формально органом Союза писателей, и не являясь государственным или партийным СМИ, тем не менее нередко играла роль идеологического рупора, причем более радикального, чем официальные издания.

Важнейшим комплексом используемых источников являются труды историков. Спецификой советской исторической науки являлось открыто декларируемая партийность. Конечно же, это делалось далеко не всегда и часто формально, но в принципе это

ми-экономистами. 1941, 1950, 1952 гг. / Публ. В.Г. Бурхерт // Исторический архив. 2012. № 5. С. 6–13; Власть и историческая наука / Публ. А.Д. Чернова // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 62–88; № 4. С. 43–65; И.В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы: переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и материалов. Ч. I. 1920–1930-е годы / Автор-составитель М.В. Зеленев. СПб., 2006; Последние письма Сталину. 1952–1953: Реконструкция документального комплекса / Сост. Г.В. Горская, М.С. Астахов, В. Дённигхаус, Е.Е. Кириллова, А.С. Кочетова. М., 2015; Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны / Авторы-составители А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2007; Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы / Составители Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. М., 2005; Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии 1947–1953 гг.: Документы и материалы / Сост. В.В. Журавлев, Л.Н. Лазарева. М., 2017; и др.

⁵⁰ Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. С. 43.

провозглашалось нормой, не противоречащей научности. В рамках этой парадигмы идеологические постановления партии и труды ее лидеров автоматически становились базисом исследовательской работы. В особый подвид можно выделить публикации историков по идеологическим вопросам (часто это были передовицы в научных журналах, подписанные и нет). Особенностью данного вида источников стало совмещение функций научного текста, во всяком случае его риторики, и открытая трансляция актуальных идеологических директив.

Решение поставленных задач невозможно без обращения к делопроизводственной документации органов идеологического контроля. В исследовании были задействованы документы Управления (Отдела) пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Отдела науки и вузов ЦК ВКП(б) Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Отдела науки и культуры ЦК КПСС Российского архива новейшей истории (РГАНИ). Кроме того, были привлечены делопроизводственные документы, отложившиеся в личном фонде В.М. Молотова (РГАСПИ. Ф. 82).

Для адекватного решения поставленных задач понадобилось привлечение документации первичных партийных ячеек научно-исследовательских и образовательных учреждений исторического профиля: Института истории АН СССР, Исторического факультета МГУ и Московского историко-архивного института. К сожалению, исследователи практически не обращались к этим источникам, что значительно обедняло (и даже искажало) общую картину и не позволяло выявить внутреннюю подоплеку поведения историков в ходе критики и проработок. Известно, что партийные документы фиксировали все стороны жизни советского общества, в том числе и неформальные⁵¹. Без привлечения архивных документов первичных партийных ячеек невозможно реконструировать неформальные практики советских историков.

Особенностью документов (преимущественно протоколов) первичных партийных ячеек, хранящихся в бывшем Центральном архиве общественно-политической истории Москвы (теперь – часть Центрального государственного архива Москвы) является то, что многие из них подпадают под закон о личной информации. В связи с этим большинство дел из фондов высших образовательных учреждений не выдаются. Из десяти заказанных дел из фонда

⁵¹ Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М., 1997. С. 51–79.

МГУ выдается в лучшем случае одно. Заметно лучше обстоит дело с фондом Московского Историко-архивного института. Совсем иная ситуация с фондом Института истории АН СССР: абсолютное большинство единиц хранения доступны исследователям.

Помимо указанных архивов в предлагаемом исследовании активно использовались документы Архива РАН (АРАН) и Научного архива Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН). Специалистами уже выработана методика комплексного изучения архивных фондов для реконструкции истории советской исторической науки. Замечено, что наиболее эффективным является «параллельное обращение к архивным фондам, сосредоточившим документы учреждений Академии наук СССР и личного происхождения»⁵². Поэтому материалы фондов учреждений дополнялись документами личных фондов историков.

Удивительно, но исследователи фактически игнорируют персональный фонд А.Л. Сидорова, хранящийся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 632). В фонде выделена специальная единица хранения, получившая название «Материалы по борьбе с космополитизмом»⁵³. Указанные материалы позволяют достаточно подробно осветить ход антикосмополитической кампании в МГУ.

Главной задачей предлагаемой работы является изучение влияния идеологических процессов на научное сообщество. Ключевым источником, в котором данный процесс нашел свое отражение стали стенограммы и протоколы научных учреждений и партийных ячеек. Протоколы последних представляют особый интерес. Что касается стенограмм, то данный источник не так прост для использования, как это может показаться на первый взгляд⁵⁴. Традиционно считается, что исследователь должен пользоваться правленной стенограммой, поскольку, якобы, стенографистки могут в силу ряда причин исказить мысль выступавшего. Но при анализе стенограмм сталкиваешься с одной серьезной проблемой. Иногда они правились настолько радикально, что возникает естественный вопрос: так ли плохо была понята мысль ора-

⁵² Ланской Г.Н. Фонды Архива РАН как источники по истории советской исторической науки // Отечественные архивы. 2009. № 3. С. 49.

⁵³ НИОР РГБ Ф. 632. К. 21. Ед.хр. 2.

⁵⁴ См.: Дубровский А.М. Стенограмма: основные итоги работы с источником // Актуальные проблемы источниковедения материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права. Витебск, 2017. С. 36–38.

тора, или перед нами ее сознательная, постфактум, правка автором с учетом изменившихся реалий? Приходится и это учитывать.

Замечено, что историки-члены партии очень внимательно относились к стенограмме как важнейшему документу. Они тщательно ее правили, понимая, что это такой же документ (компрометирующий – !) как и опубликованный текст научной статьи или монография⁵⁵. Не члены партии так к стенограммам не относились. Часто их правки минимальны. Нередко стенограмма оказывалась весьма действенным оружием. Так, в 1951 г. во время обсуждения концепции крестьянских восстаний Б.Ф. Поршнева случился скандал. Поршневу обвинил своего непримиримого соперника Н.А. Сидорову в том, что она перепечатывает стенограммы, сознательно их фальсифицируя⁵⁶.

Огромное значение для решения поставленных задач играют источники личного происхождения. Активно привлекались воспоминания участников и свидетелей событий. Традиционно считается, что воспоминания – источник ненадежный. Все же использование их в комплексе с другими источниками позволяет получить важные сведения об эпохе. С.О. Шмидт в этой связи писал: «В складывании обстоятельств каждой конкретной ситуации тогда имели очень большое (зачастую даже первостепенное) значение личностные факторы: характер и индивидуальные интересы (особенно карьеристские, самоохранительные) отдельных лиц, групповые вкусы, особенности степеней зависимости и проч., т.е. то, что нелегко уловить в письменной документации тех лет. И потому, пожалуй, важны воспоминания, несмотря на всю их субъективность и ошибки памяти»⁵⁷. Особенностью мемуаров историков, во всяком случае в той части, где они касались событий последнего сталинского десятилетия, является их повышенная актуальность для современной корпорации историков. Не секрет, что социальная память корпорации строится на нескольких базовых мифах, включая миф об учителях. Его особенностью является презентация авторитетных историков, ставших классиками в своих областях, как преданных служителей науки. Воспоминания, опубликованные в последние пятнадцать лет, продемонстрировали сложности жизненного пути многих авторитетных ученых,

⁵⁵ Схожее наблюдение см.: *Горяинов А.Н.* О публикуемой рукописи и ее судьбе // *Одиссей: Человек в истории.* 2007. М., 2007. С. 250.

⁵⁶ *Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Наука «убеждать». С. 195. Ссылка 224.

⁵⁷ *Шмидт С.О.* Судьба историка Н.Л. Рубинштейна // *Шмидт С.О.* После 75. М., 2012. С. 516.

часто отнюдь не благородное поведение. Все это спровоцировало такой феномен, как «мемуарные войны»⁵⁸.

Дневники современников позволяют почерпнуть не только значимые факты для выявления скрытых механизмов протекавших процессов, но и реконструировать восприятие и осмысление их авторами текущих событий. Особое значение имеет известный дневник историка С.С. Дмитриева.

Таким образом, для реконструкции развития исторической науки в условиях послевоенных идеологических кампаний был мобилизован широкий круг источников, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Привлечение документов государственно-партийных органов и особенно первичных партийных ячеек позволило по-новому решить целый ряд принципиальных вопросов развития советской исторической науки в указанный период. Комбинация традиционных для историографических исследований источников (трудов историков, материалов научно-образовательных учреждений) и документов партийных и государственных органов позволила сформировать репрезентативную источниковую базу.

Методологическая основа и методы исследования.

Методологическая основа диссертации строится на концептуальном синтезе современных науковедческих подходов. Особый акцент был сделан на социальную историю науки. В рамках данного направления изучаются институты науки, механизмы функционирования научной среды и люди, создающие научное знание, особое внимание уделяется взаимодействию науки и общества⁵⁹. Институциональный характер предмета исследования предполагает изучение корпорации историков как формально, так и неформально организованной социальной институции. В качестве теоретической основы был выбран неинституциональный подход, основной акцент в котором делается не столько на сами институции, сколько на деятельности и взаимодействии субъектов, поддерживающих формальные и неформальные социальные институты⁶⁰.

⁵⁸ Об этом см.: *Дмитриев А.Н.* «Ученый совет при Чингисхане»: поэтика и риторика постсоветского академического мемуара // *Труды Русской антропологической школы.* 2012. № 11. С. 80–100; *Он же.* Демон истоков: как (поздне)советские гуманитарии утверждались в своем прошлом // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре.* 2014. Т. 93. № 1. С. 11–23.

⁵⁹ Подробнее см.: *Жэнгра И.* Социология науки. М., 2017.

⁶⁰ *Торстендаль Р.* Возвращение историзма? Неинституционализм и исторический поворот общественных наук // *Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции.* М., 2008. С. 14–25.

Выбранный ракурс исследования требует определения особенностей функционирования советской науки, частью которой являлась историческая наука. Современная цивилизация не может существовать, не опираясь на рациональное научное знание. Поэтому интерес к истории науки, осмыслению законов ее развития и механизмам функционирования в обществе неизменно растет. Проблема взаимосвязи науки и других социальных институтов на данном этапе находится в центре внимания многих научных дисциплин.

Процесс институционализации науки теснейшим образом связан с формированием в Новое время государства современного типа⁶¹, зачастую разделить развитие государственных институтов и науки невозможно⁶².

Проблема взаимоотношения науки и власти продолжает остро волновать исследователей. Основным трендом является признание тесной взаимосвязи власти и науки как общественного института. Согласно М. Фуко: «Пожалуй следует отбросить... целую традицию, внушающую нам, будто знание может существовать лишь там, где приостановлены отношения власти, и развивается лишь вне предписаний, требований и интересов власти... Скорее, надо признать, что власть производит знание (и не просто потому, что поощряет его, ибо оно ей служит, или применяет его, поскольку оно полезно); власть и знание непосредственно предполагают друг друга; что нет ни отношения власти без соответствующего образования области знания, ни знания, которое не предполагает и вместе с тем не образует отношений власти»⁶³.

Помимо теорий, постулирующих тесную связь науки и власти, в науковедении существует немало концепций, анализирующих науку как специфическую сферу жизни общества. Особой популярностью в последние годы пользуются работы П. Бурдьё, предложившего теорию «научного поля», где поле – система из отдельных личностей, научных школ, институтов, которая развивается по специфическим законам власти и подчинения. Деятельность ученых в данной концепции описывается по аналогии с поведением участников рыночных отношений, борющихся за капитал. Только в среде ученых борьба идет за символический капитал (авторитет, административные посты и т.д.), позволяющий вербо-

⁶¹ Колчинский Э.И. Предисловие редактора // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Редактор-составитель Э.И. Колчинский. СПб., 2003. С. 5.

⁶² Огурцов А.П. Предисловие // Подвластная наука? Наука и советская власть. М., 2010. С. 6.

⁶³ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 42–43.

вать сторонников (учеников) и навязывать научному сообществу свое мнение. При этом социолог подчеркивает, что в результате развития научное поле становится во многом автономным и способным к продуцированию собственных конвенций⁶⁴. Модель П. Бурдье вполне подходит и к изучению советской науки. Но с учетом, во-первых, того, что борьба за «символический капитал» шла с активной апелляцией к партийным органам как единственному и высшему контролеру. И, во-вторых, с учетом того, что советская власть делала многое, чтобы автономный по отношению к обществу характер научного поля нивелировался. Необходимо подчеркнуть, что вмешательство власти в жизнь научного сообщества СССР была на порядок выше, чем в либерально-демократических режимах, где ученые могли найти иные социальные опоры и источники финансирования, и где репрессии были ограничены правовым полем. Но до конца поглотить научное поле не удалось: научное сообщество сохранило многие черты специфической академической культуры и не встроилось окончательно в партийно-государственную систему.

В последние годы особой популярностью пользуются дискурсивные⁶⁵ исследования, задачей которых объявляется изучение процесса подчинения индивидуума (или социальной группы) дискурсу власти⁶⁶. Показывается, как навязываемая властью риторика формирует восприятие окружающей реальности, определяет поведение и т.д. В случае со сталинской эпохой это проявляется особенно ярко. Видно, что научный мир вольно и невольно оказался «встроен» (как и остальное общество) в дискурсивные конструкции власти, которые навязывались через пропаганду, многочисленные партийные институты, печать, кино, музыку и т.д. Ученый вынужден был действовать в мире, где его поступки оценивались с точки зрения дискурса власти, а не этических норм научной корпорации.

Описанная выше специфика советской науки являлась и неотъемлемой чертой собственно исторической науки. Тесная связь научной среды с властью, борьба за ограниченные ресурсы, осо-

⁶⁴ Бурдье П. Поле науки // Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 014. С. 473–517.

⁶⁵ Дискурсом, по определению Д. Филда, является «цельная словесно-идеологическая система, отражающая нужды и чаяния определенной социальной группы» (Орлов И.Б. «Человек исторический» в системе гуманитарного знания. М., 2012. С. 9. сноска 11).

⁶⁶ См.: Дейк Т. ван Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке коммуникации. М., 2013.

бенности функционирования научно-исторического сообщества – все это было обыденностью и частью карьерного пути советского ученого-историка. К счастью, для настоящих ученых это не являлось единственной реальностью, поскольку главным для них оставались знание и научное творчество.

Изучение советской исторической науки как сложного социального института позволяет применить и ряд других подходов. В частности, антропологического, позволяющего рассмотреть исторический процесс через его субъектов, их восприятие действительности и обусловленных этим социальных стратегий. Необходимость анализа советской исторической науки в контексте «сталинской» идеологии и политической культуры требует обращения к подходам новой культурной истории с ее повышенным вниманием к конструктивистским теориям, феномену репрезентации и перформативным практикам⁶⁷. Кроме того, в диссертации используется и семиотический подход, дающий возможность деконструировать социальную и культурную реальность как символическую систему.

Основой исследования является классический принцип историзма, являющийся фундаментом научного осмысления исторических процессов, явлений и событий. Были мобилизованы методы всех уровней: общелогические, общенаучные и специально-исторические.

Научная новизна диссертации заключается в комплексном исследовании влияния идеологических кампаний «позднего сталинизма» на советскую историческую науку. Впервые в историографии детально реконструируется ход идеологических кампаний и дискуссий в среде профессиональных историков, по-новому показывается влияние идеологии на конкретно-исторические исследования. В научный оборот вводится множество архивных документов, содержащих неизвестные ранее факты. Научная новизна определяется и комплексным применением современных теоретико-методологических подходов. В работе был объективизирован ряд явлений в советской исторической науке, ранее не попадавших в поле зрения исследователей: патронаж, феномен «маленького человека», ряд неформальных практик и т.д.

Научно-практическая значимость работы состоит в возможности использования ее выводов и материалов в подготовке

⁶⁷ См.: Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015.

обобщающих курсов по истории исторической науки и истории советской культуры и общества.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена в Центре «Историческая наука России» Института российской истории РАН и была рекомендована к защите. По теме диссертации опубликовано 3 монографии общим объемом 64,5 п.л., а также параграфы в учебном пособии «Историография истории России» (под ред. В.Н. Захарова. М., 2013) объемом 2 п.л. Кроме того, в научно-исторических журналах и сборниках вышло 57 публикаций. Результаты исследования были представлены в более чем 50 докладах на международных и всероссийских конференциях.

Основные положения диссертационного исследования:

1. В 1920–30-е гг. происходил процесс институционального и индивидуального (конкретных историков) встраивания исторической науки в советскую политико-идеологическую систему, в центре которой находилась фигура И.В. Сталина. Складывается система контролирующих инстанций, официальных институций (вузов и научно-исследовательских институтов), выстраиваются неформальные практики взаимодействия ученых с представителями власти (например, патронаж). В научную среду проникают партийные институции (в первую очередь первичные партийные ячейки), привнося в нее партийную культуру, ритуалы и поведенческие стереотипы. Этот процесс привел к снижению автономии «научного поля» и проникновению в него нехарактерных ранее большевистских партийных практик, в том числе и идеологических кампаний как формы социального контроля и управления.

2. В результате сложных и экстраординарных условий формирования советской исторической науки сложилось сообщество с высоким уровнем конфликтности. Соперничали и конфликтовали организации, научные школы, генерации, партийные и беспартийные, наконец широко были распространены и типичные для творческой среды личностные конфликты. Борьба проходила с активной апелляцией к контролирующим органам и партийным патронам. Динамика и острота проработочных кампаний во многом определялась конфликтностью среды историков.

3. Идеологические кампании инициировались властью и выполняли функцию мобилизации населения в условиях усиливающейся конфронтации с Западом и внутренних проблем. Примени-

тельно к исторической науке нельзя рассматривать идеологические кампании послевоенного времени, как это часто делается в мемуарной и исследовательской литературе, как единый поток. Следует выделить кампании против «преклонения перед Западом» (1946–47), борьбы против «буржуазного объективизма» (1948) и антикосмополитическую кампанию (1949–1950). Особенностью кампаний являлось то, что начало новой кампании не отменяло окончательно (хотя и делало менее актуальными) идеологемы предыдущей. Тем не менее в них смещались политические акценты, менялись цели, а главное жертвы. Специально следует выделить идеологические дискуссии по вопросам языкознания (1950) и политэкономии (1951). От кампаний они отличались сохранением наукообразной формы дискуссии и ограниченным «радиусом» действия.

4. Прохождение идеологических кампаний определялось состоянием научной среды, которую упрощенно можно разделить по дисциплинарному, институциональному и географическому признакам. Чем ниже был уровень конфликтов в коллективе, тем с меньшими потерями для ученых проходили проработки. В тех случаях, когда среда реагировала монолитно и выполняла идеологические предписания формально (такие случаи были), негативный эффект от погромов заметно снижался.

5. Некоторые использовали идеологические погромы в карьерных целях. В системе властной иерархии в советской исторической науке, где лидерство (во всяком случае формальное) во многом определялось контролирующими органами, занять лидирующие позиции можно было дискредитировав конкурента в их глазах. Борьба за лидерство стала мощным стимулом интенсификации идеологических проработок. Специфическую роль играли т.н. «маленькие люди». Их деятельность являлась дополнительным стимулом погромов и источником дестабилизации ситуации.

6. Но наряду с механизмами идеологических погромов в годы кампаний можно хорошо увидеть и альтернативные механизмы частичной минимизации эффекта проработок. Патронаж со стороны партийных бонз (включая самого Сталина), крупных и имеющих влияние во властных кругах и научной среде историков помогал избежать серьезных последствий. Кроме того, историками были выработаны многочисленные варианты выживания, снижения ущерба от погромов, адаптации к сложившимся условиям.

7. В концептуальном плане эпоха «позднего сталинизма» оставила весьма богатое наследие. Этот период следует рассматривать как время окончательного утверждения советской (во многом – сталинской) концепции мировой истории. Наиболее ярко эта концепция, возникшая в условиях послевоенных идеологических кампаний, воплотилась в книгах-лауреатах Сталинской премии.

8. Помимо чисто негативных были и другие последствия. Так, благодаря тому, что кампании показали важную роль историографических исследований в контроле за исторической наукой и идеологической борьбе с буржуазной наукой, были брошены серьезные ресурсы на развитие историографии как особого направления исследований. Спустя некоторое время это станет предпосылкой для расцвета историографических исследований в СССР. Самое серьезное внимание было уделено и развитию изучения истории советского общества. Для этого была создана необходимая инфраструктура и мобилизованы серьезные ресурсы.

9. Из идеологических кампаний корпорация советских историков вышла серьезно дестабилизированной и деформированной. В проработочные мероприятия оказались вовлечены все профессиональные историки. Одни оказались гонителями, другие – жертвами. Иногда роли менялись. Это нанесло глубокую травму социальной памяти корпорации. Стоит обратить внимание на разрыв коммуникативных связей даже между некоторыми учителями и учениками, личностные конфликты, вызванные кампаниями.

10. Корпорация советских историков (как социокультурный феномен) сумела сохранить значительную автономию от власти, что стало предпосылкой для ее заметной десталинизации в середине 1950-х – 60-х гг.

Структура диссертации определяется логикой исследования, его целями и задачами и основывается как на хронологическом, так и на тематическом принципах. Работа состоит из введения, семи глав, заключения, списка использованных источников и литературы и аннотированного именного указателя.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** определяются актуальность исследования, объект и предмет, обосновываются цели и задачи, хронологические рамки, выявляется степень научной разработанности проблемы,

характеризуются источниковая база и методология, определяются научная новизна и практическая значимость исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Советская историческая наука 1930–40-х гг. в контексте сталинской политической системы» показывает основные тенденции эволюции сталинской исторической политики и ее влияние на корпорацию историков. Подчеркивается ее прагматический и противоречивый характер, под который историки вынуждены были подстраиваться. От интернационалистских позиций 1920-х гг. она эволюционировала в сторону великодержавия, «советского патриотизма» и русоцентризма. Впрочем, в официальной концепции было множество нюансов, противоречий, недосказанностей и пустот, что делало ее очень сложной для понимания, динамичной и подвижной. На разных временных отрезках сталинской эпохи могли быть актуализированы или наоборот приглушены ее различные элементы.

В 1930-е гг. завершился процесс институционального и идеологического встраивания исторической науки в советскую политико-идеологическую систему. Историческое знание стало важной частью сталинской семиосферы. В среду историков через партийные институты проникала большевистская партийная культура, приносившая несвойственные ранее академической среде ритуалы, дискурсивные практики и стереотипы поведения. Они служили инструментом конструирования новой научной среды, построенной на симбиозе партийной и профессиональной идентичности. В этих условиях идеологические кампании становились неотъемлемой частью развития исторической науки. Особенностью 1930-х гг. стало формирование первого поколения историков, не знавшего иной реальности, кроме советской, что снижало критическое восприятие происходящих событий и повышало готовность следовать идеологическим установкам. Впрочем, среда как ученых, так и студентов-историков продолжала оставаться неоднородной, в ней было немало критически мыслящих, но все же подавляющая масса по разным причинам оказалась вполне лояльна к правящему режиму.

Особое внимание уделяется анализу иерархии корпорации историков. Показывается, что она стала проекцией сталинской политической системы, построенной на жесткой вертикали власти и системе контролирующих инстанций. В исторической науке это выразилось в системе лидеров направлений, обладающих админи-

стративной властью и лояльных режиму: Б.Д. Греков, В.В. Струве, И.И. Минц, А.Д. Удальцов, А.В. Мишулин и др. В сложившейся системе занять лидерские позиции в научно-административной иерархии можно было только в результате смещения уже имеющих лидеров.

В 1930–40-е гг. активное развитие получили неформальные практики взаимодействия историков и представителей власти. Особенно ярко это проявилось в феномене патронажа, когда крупные партийные и государственные деятели, а также имеющие доступ к административному ресурсу историки формировали систему клиент-патронских связей. Несмотря на сложность изучения таких неформальных практик, описываются конкретные примеры и вскрываются механизмы функционирования патронажа в исторической науке. Показывается, что патронаж способствовал встраиванию исторической науки во властную систему. В то же время помощь патрона могла сыграть и амортизирующую роль в ходе идеологических проработок и спасти их жертву.

В результате сложных и экстраординарных условий формирования советской исторической науки сложилась среда с высоким уровнем конфликтности. Конфликты приобретали как институциональные формы (борьба за финансовые и административные ресурсы между образовательными и научными учреждениями, соперничество научных школ и направлений и т.д.) и личностные. Всегда существовал соблазн при помощи идеологических ярлыков расправиться с конкурентами.

Ощутимым было и противостояние беспартийных и партийных историков. Протоколы партийной ячейки Института истории АН СССР наглядно показывают, что местные коммунисты претендовали на ведущие позиции в жизни института. К этому подталкивал и их статус «авангарда» советской власти в академическом учреждении. Вступление в партию давало немалые социальные преференции, но одновременно накладывало массу обязательств. Например, партийный историк не мог дистанцироваться от идеологических проработок, поскольку борьба за идеологическую чистоту входила в круг его обязанностей. Партийные являлись проводниками культуры партийности в академическую среду. Зачастую они сталкивались с ее естественным сопротивлением, когда партийные нормы противоречили академическим традициям.

В Главе 2 «Историческая наука и идеологические процессы в СССР в 1945–1947 гг.» реконструируется влияние идеологиче-

ских процессов и кампаний 1945–47 гг. на советскую историческую науку. После кратковременной «мини-оттепели» (1945 – первая половина 1946 г.), отличавшейся ослаблением идеологического контроля, в условиях нарастающего международного противостояния была запущена череда идеологических кампаний, направленных на формирование образа Запада как врага. Показывается реакция на постановление «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» в Институте истории АН СССР, а также официальные обсуждения «дела Клюевой и Роскина (КР)» среди историков в столичных НИИ и вузах. Делается вывод, что, несмотря на ряд громких историй (например, критика сборника «Петр I» и его авторов), первые идеологические кампании относительно слабо затронули историческую науку.

Глава 3 «Кампания по борьбе с «буржуазным объективизмом» и советская историческая наука» посвящена исследованию влияния кампании борьбы с «объективизмом» (1948) на историческую науку. Стартом общесоюзной кампании послужили философская дискуссия (1947) и сессия ВАСХНИЛ, на которой Т.Д. Лысенко, пользуясь поддержкой Сталина, разгромил своих научных конкурентов, генетиков. Кампания затронула все мало-мальски значимые культурные, научные и образовательные центры СССР.

В исторической науке борьба с «объективизмом» официально велась за утверждение принципа партийности, против дореволюционной и современной зарубежной историографии. Но прохождение кампании зависело от конкретных условий, состояния локальных сообществ ученых-историков и конфигурации имевшихся в них сил. В центре изучения оказались Институт истории АН СССР (включая Ленинградское отделение), Институт истории материальной культуры АН СССР, Исторические факультеты МГУ и ЛГУ, Московский историко-архивный институт.

Кампания стартовала с публикаций в прессе (чаще всего это были газеты «Культура и жизнь» и «Литературная газета»), в которых выявлялись «ошибки» и «прорывы исторического фронта», назывались конкретные имена историков и названия трудов. Но задача собраний по обсуждению этих публикаций заключалась не в формальном признании уже указанных ошибок и осуждении и наказании уже указанных лиц, а в поиске новых жертв. В этой ситуации очень многое зависело от сплоченности коллектива или наоборот, его конфликтности.

Подробно реконструируется антиобъективистская кампания в Институте истории АН СССР, апогеем которой стало заседание Ученого совета института 15–18 октября 1948 г. Анализируются заседания в секторах Новой и новейшей истории и Средних веков, прошедшие накануне общеинститутского собрания. Делается вывод, что если среди новистов были сотрудники, готовые отстаивать свою невиновность (Л.И. Зубок, отчасти Ф.И. Нотович), то медиевисты оказались деморализованы и выбрали стратегию непротивления. После общеинститутского совета в ряде секторов прошли дополнительные заседания, на которых повторно осуждались уже выбранные жертвы.

На Историческом факультете МГУ, который возглавлял Г.А. Новицкий, организовать полноценную кампанию не удалось, поскольку декан не проявил в этом инициативы, и уровень конфликтности местного научно-педагогического коллектива оказался относительно невысок. Активностью отличалось партбюро, но этого оказалось недостаточно.

В археологической науке конфликт проявился в противостоянии между ленинградскими и московскими археологами. Во многом это было формой, в которую была облачена борьба за лидерство. На роль безоговорочного лидера рвался ленинградский археолог В.И. Равдоникас. Воспользовавшись заявлением Лысенко о существовании в науке двух школ – реакционной и прогрессивной, Равдоникас попытался доказать, что в археологии существует две школы: прогрессивная ленинградская и старомодная, реакционная московская. В ноябре 1948 г. он выступил на Ученом совете Института истории материальной культуры. Его выступление встретило довольно единодушный отпор со стороны московских археологов, что не позволило организовать полноценный погром в археологической науке.

Иногда конфликты приобретали и специфические, присущие конкретному учреждению черты. В Историко-архивном институте с конца 1930-х гг. сложилась особая форма противостояния между «архивистами», то есть теми, кто считал, что в институте бесспорный приоритет должен отдаваться архивоведческим дисциплинам и утилитарной подготовке работников архивной сферы, и «историками», сторонниками фундаментального исторического образования. Активность в борьбе с «объективизмом» проявил и директор ИАИ Н.А. Елистратов. Все это стало причиной высокой интенсивности кампании борьбы с «объективизмом» в ИАИ.

Особенностью кампании по борьбе с «объективизмом» стало то, что она совпала с 10-летним юбилеем «Краткого курса истории ВКП (б)». Юбилей оказал стимулирующее воздействие в борьбе с разномыслием в исторической науке.

Антиобъективистская кампания нанесла сильный удар по оставшимся представителям дореволюционной исторической науки. Труды многих активно критиковались, некоторые не смогли перенести агрессивной критики, помня о репрессиях 1930-х гг. В этой связи возникает вопрос о направленности кампании по «борьбе с объективизмом». На первый взгляд может показаться, что ее жертвами были историки «старой школы», а молодые советские кадры расчищали себе таким образом путь. В определенном смысле это так. Но реальная картина, как обычно, гораздо сложнее. Среди обвиненных и пострадавших немало явно не входящих в круг историков «старой школы». Достаточно вспомнить Л.И. Зубока, З.К. Эгерта, О.Л. Вайнштейна, Н.Л. Рубинштейна, В.Т. Горянова и мн. др. Это наводит на мысль, что на самом деле состав критикуемых формировался в значительной степени ситуационно, в зависимости от конфликтов в самой корпорации, наличия или отсутствия покровителей и т.д.

В Глава 4 «Историки и антикосмополитическая кампания»

речь идет о влиянии борьбы против «безродного космополитизма» (1949) на сообщество историков. Кампания стартовала после «разоблачения» группы театральных критиков-евреев, объявленных «космополитами» и отличалась особой агрессивностью и антиеврейской направленностью, подпитываясь антисемитизмом в партийных кругах и широких массах.

Благодаря активности А.Л. Сидорова разгром «космополитов» среди историков приобрел в МГУ и Академии общественных наук при ЦК ВКП (б) широкий размах. Главным объектом травли стали И.И. Минц и его «группа», куда включили И.М. Разгона, Е.Н. Городецкого и др. А.Л. Сидоров рассчитывал при помощи антикосмополитической кампании устранить И.И. Минца и занять его статусные позиции в МГУ и Институте истории АН СССР. Обвиненных в «космополитизме» увольняли из университета, ссылали в провинциальные вузы, не давали долгое время публиковаться. В Институте истории АН СССР разгром «группы Минца» продолжился. В качестве «космополитов» или совершивших «космополитические» ошибки называлось и много других имен. В январе 1950 г. прошла проверка работы Института комиссией во главе с

А.Л. Сидоровым, которая выявила многочисленные проблемы и недостатки в работе. В итоге Сидоров занял ряд ключевых должностей в университетской и академической среде, в том числе и стал заместителем директора Института истории.

Подробно описывается критика Е.Н. Городецкого в Московской Высшей партийной школе. Основными жертвами антикосмополитической кампании в МГИАИ стали А.И. Андреев и Л.В. Черепнин, вынужденные уйти из института.

На Историческом факультете ЛГУ активное проведение кампании было связано с деятельностью декана Н.А. Корнатовского. Но его вскоре арестовали по «ленинградскому делу». В то же время заседания в Ленинградском отделении ИИ АН СССР прошли во многом формально. Коллектив следовал стратегии формального выполнения сценария кампании, новых имен не называлось. Этот факт яркий пример того, что монолитность коллектива не давала превратиться кампании в «войну всех против всех».

В данной главе подробно анализируются механизмы проведения проработочных собраний. Предлагается классификация их участников (как обвинителей, так и жертв). Подчеркивается, что необходимо разделять кампании по борьбе с «объективизмом» и «безродным космополитизмом». Действительно, начало новой кампании формально не отменяло предыдущей, но акценты в них все же смещались. Так, историков, обвиненных в объективизме, далеко не всегда обвиняли в «космополитизме». Более того, в ходе антикосмополитической кампании обвинение с «объективизме» расценивалось как меньшее зло. Отчасти критерием разделения кампаний является их этническая направленность. Так, если в разгроме «объективистов» национальность не играла роли, то антикосмополитическая кампания уже носила направленный антисемитский характер.

Прошедшая кампания произвела на современников тяжелое впечатление. Всем был очевидна ее антисемитская направленность. Пугало и то, что под ударом оказывались абсолютно лояльные режиму историки (например, И.И. Минц). Это добавляло иррациональности происходившим событиям. Многие именно после проработок разочаровались если не в советском строе, то, во всяком случае, в сталинском режиме. Естественно, что прошедшие события заронили в души этих людей не только страх, но и желание изменить эту систему, сделать ее более предсказуемой

и безопасной. Именно они станут опорой последовавшей относительной либерализации строя после смерти Сталина.

Специально анализируется фиксация и сохранение корпоративной памяти у историков о послевоенных идеологических кампаниях. Показывается, что в советское время она находилась в подавленном состоянии, но как только стало можно открыто говорить об этих событиях, они стали одной из причин т.н. «мемурных войн» среди историков.

В Главе 5 «Идеологические кампании в исторической науке в личностном измерении» влияние идеологических кампаний на историческую науку анализируется через призму судеб конкретных историков – С.А. Фейгиной и Е.А. Луцкого. С.А. Фейгина являлась рядовым членом корпорации, более того ее биографию нельзя назвать правильной с точки зрения советских норм. Наоборот, Е.А. Луцкого можно с уверенностью назвать частью советского истеблишмента. Будучи сыном известного революционера, погибшего за советскую власть, он мог рассчитывать не только на высокое положение в обществе, но и на определенный социальный иммунитет. Но все вышло иначе. Биографии историков наглядно показывают феномен «абсолютной простреливаемости». Иммунитета от проработок не было ни у кого. Впрочем, были и различия. Если для С.А. Фейгиной найти работу после увольнения было крайне сложно, то Е.А. Луцкий без видимых проблем перешел из Института истории в Историко-архивный институт в качестве преподавателя. Фактически перед нами еще одна стратегия «выживания» в годы кампаний. Поскольку выбор жертвы определялся конфигурацией сил и связей на местах, то смена места работы могла серьезно снизить накал критики и гонений.

История С.А. Фейгиной наглядно демонстрирует и работу патронажа в условиях кампаний. Помощь вышестоящих ученых (в данном случае С.В. Бахрушина и А.И. Андреева), их покровительство серьезно амортизировало разрушительные последствия проработок. Но в то же время это было причиной неустойчивости положения клиентов: «падение» или смерть патрона оставляли жертву фактически без защиты.

Специфическую роль в идеологических кампаниях сыграли персонажи, которых можно условно обозначить как «маленькие люди». «Маленький человек» – фигура в сталинской политической культуре чрезвычайно важная. Сигналы «маленьких людей», привычные для номенклатурных будней, стали элементом и ака-

демической жизни и борьбы. В науке к этому социальному феномену можно причислить младших научных сотрудников, выискивающих ошибки в работе своих начальников, студентов-активистов, искавших крамолу в лекциях и сочинениях профессорско-преподавательского состава, провинциальных преподавателей вузов, а также любителей-историков, которые разоблачали профессионалов. Они противопоставлялись авторитетным ученым, представителям столичной интеллектуальной элиты, обросших званиями, материальными благами, и, как следствие, «потерявших бдительность» и запутавшихся в паутине личных пристрастий. Феномен «маленького человека» анализируется на примере деятельности И.И. Мордвишина, Х.Г. Аджемьяна, П.Е. Осиповой и М.Н. Перегудова. «Маленькие люди» и их «сигналы», в том числе и в форме публичных выступлений, в годы непрекращающихся идеологических кампаний превратились в обыденное явление. Движимые разными мотивами, иногда благородными с их точки зрения, а чаще тщеславием и карьеризмом, они действовали по схожему алгоритму: подавали сигнал, который вызывал цепную реакцию. Дело могли по указке самого верха раскрутить, но могли и поставить на тормоза. В случае если идеологи, местная администрация или кто-то еще считали нужным, делу давался публичный ход, вырастающий в небольшую (большие имели право начинать только И.В. Сталин) идеологическую кампанию или дискуссию.

Примечательно, что «маленькие люди» быстро исчезали из поля зрения, как отработанный материал. Теперь трудно определить, кто из них действовал на свой страх и риск, а кто являлся пешкой в сложной многоходовой игре. Их действия нарушали привычную академическую жизнь, а в случаях, когда научное сообщество инертно выполняло директивы партии, они добавляли динамики и остроты в дискуссии и собрания.

Глава 6 «Идеологические дискуссии, XIX съезд и советская историческая наука» посвящена послевоенным идеологическим дискуссиям: языковедческой (1950) и политэкономической (1951). Отличие идеологических дискуссий от кампаний довольно зыбко и эти критерии довольно сложно формализовать. Все же представляется, что такими критериями являются, во-первых, сфера применения. Так, дискуссии не носили такого же широкого радиуса действия, как идеологические кампании. Охват был объективно ограничен научно-культурной сферой. Безусловно, отзвук

дискуссий можно обнаружить практически во всех сферах жизни. Но все же, в первую очередь, они касались науки и проходили в наукообразной форме. Сохранялись такие атрибуты научной жизни, как открытость дискуссии, научная терминология, привлечение широких слоев научной общественности. Во-вторых, критерием может служить и «идеологический градус», который в дискуссиях был заметно ниже, поскольку формально они проходили в научных рамках. Обвинения в марризме не являлись непосредственным поводом к аресту, хотя и могли стоять карьеры. Наконец, ключевым критерием является тот факт, что дискуссии были (пусть формально) посвящены научным вопросам.

В остальном дискуссии имели схожие с кампаниями формы и структуру, что обуславливалось, видимо, тем, что их сценарии генерировались одними и теми же органами, уже выработавшими эффективные методы идеологической мобилизации.

Языковедческая дискуссия, целью которой являлась дискредитация учения о языке Н.Я. Марра, особенно сильно отразилась на археологии, где этногенетические теории Н.Я. Марра пользовались особой популярностью. Считалось, что центром марризма является ленинградское отделение ИИМК, которое тогда возглавлял А.П. Окладников. Московские археологи воспользовались разгромом ленинградских марристов для окончательного закрепления своего главенства в археологии.

Влияние критики «нового учения о языке» Н.Я. Марра на историческую науку анализируется на двух примерах. В первом случае разбирается дискуссия о «курско-орловском диалекте» древнерусской народности. Брошенная Сталиным в ходе языковедческой дискуссии мысль о том, что курско-орловский диалект древнерусского языка стал основой русского языка, требовал конкретно-исторического подтверждения. Автор такого подтверждения мог претендовать на лидерство среди археологов и историков. На эту роль претендовали В.В. Мавродин и Б.А. Рыбаков, интенсивно занявшиеся разработкой этого вопроса. В итоге конкуренцию выиграл Рыбаков, но смерть Сталина сделала его концепцию не такой актуальной, как ранее. Впрочем, ее основные положения вошли в «Очерки истории СССР» (1958).

Другим примером стала дискуссия о роли готов в истории Крыма. Если ранее, с опорой на учение Марра об автохтонном развитии языков и народов, обосновывалась огромная роль готов в крымском прошлом, то теперь, в противовес нацистским исто-

рикам, доказывавших особые права германцев на готское наследие, требовалось доказать, что готы играли ничтожную роль, а представители древнерусской народности издревле населяли полуостров. Данную концепцию обосновал Б.А. Рыбаков.

В 1951 г. прошла инициированная Сталиным дискуссия по политэкономии, а в 1952 г. XIX съезд партии. За обоснование новой схемы отечественной истории, базирующейся на работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» взялся А.Л. Сидоров, который должен был тем самым подтвердить свой статус одного из новых лидеров советской исторической науки. В 1953 г. он стал директором Института истории АН СССР, но его избрание в члены академии блокировали академики, не простившие ему антикосмополитических погромов.

Глава 7 «Исторические исследования в условиях идеологических процессов “позднего сталинизма”» демонстрирует влияние идеологических кампаний на научные труды. Анализируется их влияние на историографические исследования. Помимо очевидных негативных последствий (критика трудов выдающихся историков, идеологизация историографических исследований, которые рассматривались как инструмент борьбы с «буржуазной историографией» и т.д.) в данной работе хотелось бы подчеркнуть другой эффект от проходивших кампаний. В процессе развития историографических исследований в послевоенном СССР, безусловно, столкнулись два фактора: потребности собственно исторической науки, выразившиеся в изучении своего прошлого, и идеологические требования, заключавшиеся в интенсификации историографических исследований в русле борьбы с немарксистской наукой. Именно идеологические кампании, в ходе которых вопросы историографии играли одну из центральных ролей, способствовали институциональному становлению ключевого центра изучения истории исторической науки – Комиссии по истории исторической науки и дальнейшему ее развитию. Именно критика работ Н.Л. Рубинштейна и О.Л. Вайнштейна, и, как следствие, необходимость написания новых, а также дух культивирования истории отечественной науки, способствовали запуску проекта по написанию фундаментального, обобщающего, многотомного издания по истории исторической науки. Конечно, творческий потенциал, заложенный в книгах гонимых авторов был заметно выше, чем в официозных многотомниках. Но написание больших коллективных трудов требовало мобилизации усилий многих спе-

циалистов, в том числе и молодых и только ищущих свою научную нишу, что позволило им пройти школу историографического исследования. Перевод Комиссии в Институт истории позволил планомерно искать и воспитывать будущие кадры специалистов-историографов. Именно в послевоенные годы историография занимает прочное место в академических структурах и вузах. Надо признать, что расцвет историографических исследований в 1960–1980-е гг. (в его как положительных, так и отрицательных проявлениях) корнями уходит в неоднозначную эпоху первого послевоенного десятилетия.

Особое внимание уделяется анализу книг-лауреатов Сталинской премии. Если проанализировать весь период присуждения премий (1939–1953) и содержание книг, ставших лауреатами, то вырисовывается достаточно полная и отчетливая картина исторической политики «позднего сталинизма». Так, непреходящее значение для советской идеологии играли работы, посвященные истории производительных сил и классовой борьбы. Они щедро награждались и становились важными кирпичиками в возведении материалистической концепции исторического процесса. Поощрялись труды, показывающие единство народов СССР в историческом ракурсе. Авторы, находившие культурные и экономические связи между различными регионами Советского Союза, тем самым показывали неизбежное и исторически закономерное объединение их в единое государство. Особое место занимали книги, посвященные истории недавно присоединенной Латвии. История дипломатии, написанная в русле концепции поступательного возвышения России на международной арене, также стабильно привлекала конкурсное жюри. В исторических исследованиях на эту тему виделась и практическая сторона: они должны были на историческом опыте обучать советских дипломатов. Не забывали и об истории культуры, науки и техники. Требовалось, чтобы труды по данной проблематике описывали отечественную культуру и науку в ультра патриотическом ключе. Необходимо было показать, что русская культура и культура других народов СССР находилась в числе передовых в мире с самых древнейших времен, а территория Советского Союза всегда была частью самых развитых регионов мира. В чести были и героические страницы русской истории, ее военные победы. Поражения объяснялись не слабостью русской армии, а недостатками феодального строя.

Любопытно отметить, что абсолютное большинство награжденных изданий касались древних периодов истории. Лишь небольшая часть была посвящена новейшей истории и советскому времени. Это отражало общее состояние советской исторической науки, где ученые предпочитали исследовать древнейшие периоды, не вторгаясь в идеологически опасный период. Видимо, не стоит недооценивать и повышенный интерес самих советских идеологов к древности, приобретшей особую актуальность в связи с поворотом к патриотизму, который традиционно воспитывался на примерах из прошлого, причем чем более отдаленного, более романтизированного и упрощенного, тем лучше. Недавнее прошлое помнили слишком много людей, и зачастую их память отличалась от идеологических штампов. Образ идеального прошлого нередко заслонял образ идеализированного настоящего и идеального будущего. Совершенно очевидно, что внимание к проблемам древнейшей истории необходимо связать и с противостоянием нацистской идеологии, черпавшей вдохновение в образах глубокой древности. Подчеркивание древности и автохтонности населения СССР, его высочайший культурный уровень – это ответ на заявления немецких историков об отсталости славян и особой миссии «истинных арийцев».

Еще одну тему, проходящую красной нитью через многие исследования, стоит выделить отдельно. Речь идет о татаро-монгольском нашествии и его роли в истории народов СССР. В целом ряде книг нашествие рассматривалось не просто как рубежная черта в истории Евразии, но и как пример не имевшей прецедента в мировой истории катастрофы, сплотившей будущие регионы страны Советов. Мужественное сопротивление нашествию всячески подчеркивалось, показывались катастрофические последствия. Аналогии в современности долго искать не приходится. Очевидно, что нашествие монголов рассматривалось как прообраз нашествия нацистов, а его последствия должны были показать то, что ждало бы СССР в случае победы Германии. На контрасте победившего Советского Союза и поработанной Руси демонстрировались и достижения нового социально-политического строя. Нашествием монголов оправдывалось и отставание России от передовых стран Западной Европы. Любили повторять и упрек в адрес неблагодарной Европы по отношению к России, спасшей ее от монгольского кошмара.

Таким образом, Сталинская премия не только отражала, но и играла важнейшую роль в формировании концептуального облика советской исторической науки и массового исторического сознания. Книги, отмеченные ею, становились кирпичиком в монолитном фундаменте, заложенным под здание истории. Их положения, пускай и часто скорректированные, вошли в многотомные обобщающие труды и учебники. Многие из книг-лауреатов оказались вскоре забыты, но идеи, заложенные в них, показали свою живучесть, и влияли на профессиональные исторические исследования и массовые представления еще очень долго.

Отдельного внимания заслуживает наградная кампания 1953 г., когда решалось, кому вручать премии за 1952 г. Премия так и не была вручена. Невручение вполне вписывалось в общий процесс десталинизации, начавшийся сразу после смерти Сталина. Этот эпизод стал своеобразным символическим завершением сталинской эпохи в советской исторической науке, когда «вождь», в том числе и при помощи премий его же имени, определял основные направления исторической политики. Это не значит, что т.н. «сталинский исторический нарратив» исчез. Наоборот, многие концепции лауреатов Сталинской премии прочно вошли в советскую историческую науку и массовые исторические представления.

В Заключении подводятся итоги исследования.

Для истории советской историографии годы «позднего сталинизма» оказались, безусловно, драматической страницей. Во многом это было обусловлено широтой вовлечения историков в проработочные мероприятия, которые прошли практически во всех крупных научных и образовательных учреждениях. На протяжении последних лет сталинского правления можно было не раз наблюдать, как идеология бесцеремонно вторгалась в жизнь научной корпорации.

Содержание кампаний внешне напоминает какое-то коллективное безумие. Внутренне же они имели свою железную логику. С определенными оговорками феномен идеологических кампаний и их влияние на историческую науку можно рассматривать как столкновение двух неравных в своем могуществе сил: партийной и академической среды, их специфических культур.

Идеологические кампании (в первую очередь к ним относятся такие кампании, как борьба с преклонением перед «иностранщиной», борьба с буржуазным объективизмом, борьба с космополитизмом и ряд других) пусть и преследовали общую цель мобили-

зовать антизападнические настроения и повысить уровень советского патриотизма, тем не менее их нельзя смешивать в одну большую кампанию. Каждая из них имела свою логику, целевых жертв, идеологические нюансы и последствия. Так, надо разграничить кампанию по борьбе с объективизмом и антикосмополитическую кампанию.

Неверно было бы рассмотрение этих событий исключительно как вторжение в жизнь ученых со стороны партийных идеологов. История уже давно была участком «идеологического фронта», а научная корпорация была насквозь пронизана партийными структурами. Через них реализовывались властные предписания, историческая политика, они же выполняли контролирующие функции. Более того, можно утверждать, что послевоенная научно-историческая среда была частью, причем частью вполне интегрированной и адаптированной, советской социально-политической системы. Можно с уверенностью сказать, что советская историческая наука оказывалась элементом партийной культуры того времени.

Но партийными структурами сложная система научно-исторического сообщества не ограничивалась. Параллельно с ними продолжали функционировать традиционные для корпорации научные и образовательные центры, хранящие, пусть и не в полном объеме, свои традиции, научные школы, наконец, специфическую среду. Эта среда не была однородной: в нее входили историки разных поколений, мировоззренческих приоритетов, представители разных школ. Одни были ориентированы на научные исследования, другие – на административную карьеру. Одни были беспартийными, другие – членами партии. Одни искренне принимали советский строй, другие вынужденно молчали, запуганные репрессиями. В этой сложносоставной системе и реализовывались драматичные события идеологических кампаний последнего сталинского десятилетия.

К тому времени была выработана достаточно эффективная система управления исторической наукой. Она базировалась не только на вторжении контролирующих органов в производство научного знания, не только на влиянии первичных партийных ячеек, но и на строго иерархичном устройстве самого сообщества. Лидеры научных направлений выполняли двойную функцию. С одной стороны, они представляли научное сообщество во властных этажах, а с другой, отвечая за состояние доверенного им участка исторического фронта, выполняли контролирующие задачи.

Несмотря на выстроенную сложную систему контроля и управления, сохранение специфических для научного сообщества структур и традиций не позволяли полностью заменить их советскими институтами. Не только историки вынуждены были подстраиваться к требованиям идеологов, но и власти приходилось учитывать специфику научного сообщества. Таким образом, контроль над историческим сообществом был жестким, но отнюдь не всеобъемлющим. Отсюда и появление идеологических кампаний, которые должны были нагнетать обстановку, запуская очередной виток идеологической мобилизации. Во многом такая форма контроля и мобилизации являлась следствием особенностей личной власти Сталина. Не случайно, что сразу после смерти вождя интенсивность и агрессивность идеологических погромов значительно снижается.

Итак, уже было указано, что научная среда обладала определенной степенью самостоятельности. В этой связи абсолютно верным является утверждение, что особенности прохождения идеологических кампаний в той или иной научной дисциплине определялось ее внутренним состоянием. Историческая наука в этом смысле оказалась, к сожалению, плодотворной почвой.

Динамика и острота проработочных кампаний во многом определялась конфликтогенностью среды историков. Внутрикорпоративные конфликты пронизывали сообщество. Конфликты были личными и институциональными: между отдельными учеными, между партийными и беспартийными, между исследовательскими институтами, между научными школами и т.д. Именно поэтому эффект от развернувшихся кампаний оказался таким большим и в исторической науке. Многие использовали погромы в карьерных целях. Эффект от погромов заметно снижался в том случае, когда научная среда выступала монолитно и лишь формально выполняла идеологические установки.

Одной из причин широты погромов стало появление нового поколения историков. Они сформировались уже в советское время, поэтому уровень критического восприятия реальности был у них относительно невысок. Более того, военное время, сыгравшее деформирующее влияние на социальное поведение фронтового поколения только добавило агрессивности.

Но историческая наука сохранила неформальную институциональную автономию и средой историков были выработаны механизмы ослабления последствий проработок. К этим механизмам

следует отнести патронаж со стороны советских партийных и государственных лидеров (включая самого Сталина), а также крупных и имеющих влияние во властных кругах и научной среде историков. Патронаж давал некоторую защиту, помогал пережить гонения, найти новое место работы.

Заметную роль в идеологических погромах в советской исторической науке сыграли персонажи, которых можно условно обозначить как «маленькие люди». Будучи представителями «низов» (студентами, рядовыми научными сотрудниками, провинциальными преподавателями и т.д.), они активно участвовали в поиске крамолы, критике, нагнетали атмосферу на собраниях и т.д. «Маленькие люди» нарушали сложившийся status quo, поэтому иногда даже контролирующие органы пытались приглушить их активность.

Необходимо подчеркнуть, что тезис об особенностях научно-исторической среды, как причин широты и специфики прохождении кампаний, не отменяет вины за случившееся со стороны режима. Именно им была сформирована среда, готовая отозваться на призыв к погромам. А, главное, без этого призыва многочисленные конфликты могли тлеть многие годы и разрешаться иными средствами и способами.

Из идеологических кампаний сообщество историков вышло серьезно дестабилизированным и деформированным. В проработочные мероприятия оказались вовлечены все профессиональные историки. Одни оказались гонителями, другие – жертвами. Иногда роли менялись. Это нанесло глубокую травму социальной памяти корпорации. Отголосками этой травмы стали мемуарные войны начала XXI в. Стоит обратить внимание на разрыв коммуникативных связей даже между некоторыми учителями и учениками, личностные конфликты, вызванные кампаниями.

Эпоху «позднего сталинизма» следует рассматривать как время окончательного утверждения советской (во многом – сталинской) концепции мировой истории. Именно тогда были окончательно сформулированы и закреплены фундаментальные методологические и методические основы советского подхода к изучению истории. Многие теории, выработанные в условиях прямого влияния идеологических кампаний, прочно вошли, пусть и в видоизмененной форме, в официальный советский исторический нарратив. Слегка подправленными их можно было обнаружить в обобщающих трудах, монографиях и учебниках вплоть до распада СССР и даже позже.

Идеологические кампании привели и к заметным дисциплинарным переменам в исторической науке. Благодаря идеологической значимости, выросла роль изучения советского периода и историографических исследований. Для этого была создана необходимая инфраструктура и брошены серьезные ресурсы.

Было и еще одно, возможно главное, последствие. Абсурдность обвинений по отношению к абсолютно лояльным к режиму ученым шокировала и разрушала иллюзии в сталинском режиме не у всех, но у многих. Именно эти люди станут одной из опор процесса десталинизации. Это явление тем любопытнее, что в годы идеологических кампаний ушло поколение историков «старой школы». Таким образом, крест реформирования сталинской системы ложился на плечи поколения, выросшего при Сталине, и иной реальности не знавшего.

В этой связи насущной необходимостью является изучение того транзита от сталинской эпохи, который совершала советская историческая наука. Три года, прошедших между смертью Сталина и XX съездом, до сих пор являются неизвестной страницей в истории отечественной исторической науки. Ясно, что переход был отнюдь непростым, многовекторным и где-то даже неожиданным. Важно подчеркнуть, что процесс десталинизации исторических исследований начался не только сверху, но и снизу. Немногочисленные пока исследования наглядно это показывают. Это является еще одним свидетельством, что, несмотря на идеологические кампании, внутри корпорации сохранился научный потенциал.

В **приложении** дается аннотированный список историков, упомянутых в диссертации.

Основные положения и научные результаты диссертационного исследования изложены в 62 публикации объемом 100.75 п.л.

Монографии:

1. *Тихонов В.В.* Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М.: ИРИ РАН, 2012. 390 с. (24,5 п.л.).
2. *Тихонов В.В.* Историки, идеология, власть в России XX века: Очерки. М.: ИРИ РАН, 2014. 219 с. (13, 6 п.л.).
3. *Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середины 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-история, 2016. 424 с. (26,5 п.л.).

**Статьи, опубликованные в рецензируемых журналах,
рекомендованных ВАК РФ:**

1. Тихонов В.В. «Я ведь действительно историк...». Письма с фронта В.И. Шункова из Отдела рукописей РГБ. 14 декабря 1943 г. – 9 июня 1945 г. // Отечественные архивы. 2012. № 1. С. 93–116 (1,5 п.л.).
2. Тихонов В.В. «Есть какое-то опьянение в занятиях наукой» (Рец. на кн: «История в человеке» – академик М.В. Нечкина. Документальная монография / под ред. Е.Л. Рудницкой, С.В. Мироненко. М.: Новый хронограф, 2011. 1108 с.) // Российская история. 2012. № 4. С. 208–210 (0,3 п.л.).
3. Тихонов В.В. Архив РАН: документы личных фондов историков о кампаниях борьбы с «объективизмом» и «космополитизмом». 1948–1950 гг. // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 99–108 (0,5 п.л.).
4. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и школьный учебник по новой истории // История: электронный научно-образовательный журнал. – 2012. – Вып. 7 (13): История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды [Электронный ресурс]. – Доступ для зарегистрированных пользователей. – URL: <http://mes.igh.ru/magazine/content/ideologicheskie-kampanii.html> (0,5 п.л.).
5. Тихонов В.В. Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: сборник «Петр Великий» и судьба его авторов // История и историки. 2009–2010. Историографический вестник. М., 2012. С. 118–133 (1 п.л.).
6. Тихонов В.В. Борьба с «буржуазным объективизмом» в советской исторической науке: С. Б. Веселовский и его книга «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2. С. 104–113 (1 п.л.).
7. Тихонов В.В. Курьезная версия истории советской исторической науки // Российская история. 2013. № 5. С. 160–166 (0,7 п.л.).
8. Тихонов В.В. «Тут явно сквозит дух объективизма...»: создание «Очерков по истории Башкирии» // Диалог со временем. 2013. Т. 45. С. 160–168 (0,5 п.л.).
9. Тихонов В.В. Как «маленькие люди» творили большую историю: феномен «маленького человека» и его роль в послевоенных идеологических кампаниях в советской исторической науке // История и историки: историографический вестник. 2011–2012. М., 2013. С. 108–124 (1 п.л.).
10. Тихонов В.В. Новый взгляд на проблемы российской историографии середины XIX – начала XXI в. (сборник трудов молодых ученых) // История и историки: историографический вестник. 2011–2012. М., 2013. С. 206–213 (0,5 п.л.).
11. Тихонов В.В. Е.А. Луцкий в Институте истории АН СССР (1943–1950): штрихи к биографии // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 223–236 (0,5 п.л.).
12. Тихонов В.В. Историки и советская власть в 1920-е – 1940-е гг.: патроны и клиенты // Вестник РГГУ. Серия «История России». 2014. № 19. С. 193–204 (0,7 п.л.).
13. Тихонов В.В. Распродажа солнечной здравницы. Бои за историю Крыма в послевоенном СССР // Родина. 2015. № 1. С. 152–153 (0,4 п.л.).
14. Тихонов В.В. Внутрикорпоративные конфликты в среде историков как катализатор идеологических кампаний последнего сталинского десятилетия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2015. № 1. С. 6–13 (0,5 п.л.).

15. *Тихонов В.В.* В поисках курско-орловского диалекта древнерусской народности: дискуссия 1950 г. по языкознанию и изучение древнерусской народности в советской исторической науке // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2015. Т. 25. Вып. 4. С. 58–62 (0,5 п.л.).
16. *Тихонов В.В.* Сталинская премия как инструмент конструирования общей истории народов СССР // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 2. С.177–185 (0,8 п.л.).
17. *Дербин Е.Н., Тихонов В.В.* «Маленький человек» против «больших» историков в эпоху «позднего сталинизма» // Вопросы истории. 2016. № 11. С. 125–132 (авторский текст – 0,35 п.л.).
18. *Тихонов В.В.* Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92–112 (1, 5 п.л.).
19. *Тихонов В.В.* «Политэкономия» академической карьеры в сталинскую эпоху: дискуссия по политэкономии 1951 г., XIX съезд и историк А.Л. Сидоров // Диалог со временем. 2017. № 1. С. 340–351 (0,8 п.л.).
20. *Тихонов В.В.* Л.В. Черепнин в зеркале своих мемуаров // Российская история. 2017. № 3. С. 3–11 (0,8 п.л.).
21. *Тихонов В.В.* Идеологические кампании 1948–1949 гг. в Московском историко-архивном институте // Отечественные архивы. 2017. № 3. С. 3–13 (0,9 п.л.).

Учебно-методические публикации:

1. *Дурновцев В.И., Тихонов В.В.* Историография отечественной истории: Учебно-методический комплекс. М.: МГОУ, 2008. 79 с. (авторский вклад – 1,5 п.л.).
2. *Тихонов В.В.* Советская историческая наука в 1930-е – середине 1950-х гг. // Историография истории России: Учебное пособие / под ред. В.Н. Захарова. М.: Московский государственный областной университет, 2013. С. 221–234 (0,9 п.л.).

Другие научные публикации по теме диссертации:

1. *Тихонов В.В.* Школьный учебник истории в контексте идеологических кампаний послевоенного времени (на примере «Новой истории» под редакцией В.М. Хвостова) // Исторические документы и актуальные проблемы археологии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников конференции молодых ученых и специалистов. М., 2011. С. 136–138 (0,15 п.л.).
2. *Тихонов В.В.* Идеологические кампании как форма контроля и управления советской исторической наукой (1945–1955 гг.) // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 26. Март 2011 г. // URL: <http://e-journal.spa.msu.ru/images/File/2011/26/Tikhonov.pdf> (0,7 п.л.).
3. *Тихонов В.В.* Советская историческая наука в новейших отечественных исследованиях: подходы и перспективы // Будущее нашего прошлого. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 15–16 июня 2011 г. М., 2011. С. 241–248 (0,5 п.л.).
4. *Тихонов В.В.* Власть и лидерство в сообществе советских историков середины XX века. (Некоторые наблюдения) // Южный Урал: история, историография, источники. Межвузовский сборник научных статей. Вып. 3. Уфа, 2011. С. 45–51 (0,5 п.л.).

5. *Тихонов В.В.* Эпоха Ивана Грозного в интерпретации С.В. Бахрушина // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Научный журнал. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 87–92 (0,5 п.л.).
6. *Тихонов В.В.* Борьба за власть в советской исторической науке: А.Л. Сидоров и И.И. Минц (1949 г.) // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Научный журнал. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 76–80 (0,5 п.л.).
7. *Тихонов В.В.* Критика работ С.Н. Валка в годы борьбы с «буржуазным объективизмом» и «космополитизмом» (1948–1949 гг.) // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии. Материалы XXIV Международной научной конференции. Москва, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 509–512 (0,15 п.л.).
8. *Тихонов В.В.* Документы по истории кампаний по борьбе с «объективизмом» и «космополитизмом» (1948–1950) в личных фондах историков в Архиве РАН // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов и докладов участников конференции молодых ученых и специалистов Сію 2012. М., 2012. С. 239–241 (0,15 п.л.).
9. *Тихонов В.В.* Междисциплинарный подход в историографическом исследовании: современный российский опыт // Стены и мосты. Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. М., 2012. С. 251–258 (0,5 п.л.).
10. *Тихонов В.В.* Забытые страницы советской историографии: дискуссия Б.Д. Грекова и Б.И. Сыромятникова о характере социально-экономического строя Киевской Руси // Исторический ежегодник – 2012. Новосибирск, 2012. С. 34–45 (0,8 п.л.).
11. *Тихонов В.В.* «Худший образец преклонения перед иностранщиной»: идеологические кампании «позднего сталинизма» и судьба историка С.А. Фейгиной // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 199–207 (0,6 п.л.).
12. *Тихонов В.В.* «...Забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней»: разгром «группы» историка И.И. Минца в годы идеологических кампаний «позднего сталинизма» // «Genesis: Исторические исследования». Электронный журнал. 2013 № 2. // http://e-notabene.ru/hr/article_701.html (1,1 п.л.).
13. *Тихонов В.В.* Историк Е. Н. Городецкий и кампания по борьбе с «безродным космополитизмом» // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 2. С. 127–136 (1,2 п.л.).
14. *Тихонов В.В.* Из истории идеологических кампаний в советской исторической науке: А.Л. Сидоров vs И.И. Минц // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов и докладов участников конференции молодых ученых и специалистов. Сію 2013. М., 2013. С. 446–450 (0,25 п.л.).
15. 2013. С. 481–485 (0,4 п.л.).
16. *Тихонов В.В.* И.А. Кудрявцев – исследователь историографического наследия Н.М. Карамзина // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв. Материалы Международной научной конференции по проблемам гуманитарных наук. Липецк, 2013. С. 249–254 (статья – 0,5 п.л.).
17. *Тихонов В.В.* Дискуссия о советизации казахского аула 1946–47 годов // Історіографічні дослідження в Україні. Вип. 24. Київ, 2014. С. 267–280 (0,7 п.л.).

18. *Тихонов В.В.* Образ войны 1812 года в советской пропаганде конца 1930-х – начала 1950-х годов // История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 4. М., 2013. С. 186–194 (0,5 п.л.).
19. *Тихонов В.В.* Юбилей «Краткого курса истории ВКП (б)» и советская историческая наука. 1948 г. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сб. материалов III Всероссийской молодежной научной конференции / Новосибирск, 2013. С. 274–283 (0,5 п.л.).
20. *Тихонов В.В.* Документы Архива РАН как источник по истории Института истории АН СССР в 1936–1968 гг. // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. Материалы научной конференции. Москва, Архив РАН, 4–7 июня 2013 г. М., *Тихонов В.В.* «Маленький человек» эпохи позднего сталинизма: студент-заочник М.Н. Перегудов против «больших» историков // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов IV международной конференции молодых ученых и специалистов. СЛОН-2014. М., 2014. С. 419–422 (0,25 п.л.).
21. *Тихонов В.В.* О нереализованном проекте по изданию историографической серии «Научное наследие». 1946–1949 гг. // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка. Материалы XXVI Международной научной конференции. Москва, РГГУ, 14–15 апреля 2014 г. М., 2014. С. 376–379 (0,25 п.л.).
22. *Тихонов В.В.* Патроны и клиенты в советской исторической науке: казус Б.Ф. Поршнева // Южный Урал: история, историография, источники. Межвузовский сборник научных статей. Вып. 4. Уфа, 2014. С. 65–69 (0,4 п.л.).
23. *Тихонов В.В.* Учебники по Новой истории как источник формирования представлений советских школьников последнего сталинского десятилетия о мире // Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное пространство истории. М., 2014. С. 271–286 (0,7 п.л.).
24. *Тихонов В.В.* Советские историки и переосмысление национальных историй в последнее сталинское десятилетие // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 238–246 (0,5 п.л.).
25. *Тихонов В.В.* Историческая наука 1920–1940-х гг. в контексте советской семиосферы (опыт первичного анализа) // «Стены и мосты» – III. История возникновения и развития идеи междисциплинарности. М., 2015. С. 190–200 (0,5 п.л.).
26. *Тихонов В.В.* Сталинская премия и советские историки: случаи отклонения номинантов // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов V международной конференции молодых ученых и специалистов. СЛОН-2015. М., 2015. С. 381–384 (0,25 п.л.).
27. *Тихонов В.В.* Обстоятельства перехода Е.А. Луцкого в МГИАИ в 1950-м году // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XVII Международной научной конференции. Москва, 9–11 апреля 2015 г. М.: РГГУ, 2015. С. 437–439 (0,25 п.л.).

28. Тихонов В.В. Сражающаяся наука: роль исторической науки в антифашистской пропаганде в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 2 (79). С. 28–40 (0,8 п.л.).
29. Тихонов В.В. Идеологические кампании позднего сталинизма и советские историки // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. Материалы VII международной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. М., 2015. С. 326–334 (0,5 п.л.).
30. Тихонов В.В. Отечественная история как оружие пропаганды в условиях войны // Великая Отечественная – известная и неизвестная: историческая память и современность. Материалы международной конференции. Москва – Коломна, 6–8 мая 2015 г. М., 2015. С. 152–159 (0,5 п.л.).
31. Тихонов В.В. «Прогрессивный историк» как формула историографической реабилитации в советской исторической науке второй половины 1940-х – начала 50-х гг. (на примере статьи И.Н. Бороздина о Б.А. Тураеве) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII международной научной конференции. Москва, 14–16 апреля 2016 года. М., 2016. С. 487–489 (0,15 п.л.).
32. Тихонов В.В. Партийные и беспартийные историки в сталинскую эпоху // Новые исторические перспективы. 2016. № 1. С. 72–77 / URL: <http://журналнип.рф/index.php/ru/arkhiv-nomergov> (0,5 п.л.).
33. Тихонов В.В. Сталинская премия как инструмент формирования исторической политики в годы Великой Отечественной войны // От противостояний идеологий к служению идеалам: российское общество в 1914–1945 гг.: Сб. ст. М., 2016. С. 226–337 (0,6 п.л.).
34. Тихонов В.В. Посттравматический синдром: идеологические кампании «позднего сталинизма» в корпоративной памяти российских историков // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 628–636 (0,5 п.л.).
35. Тихонов В.В. Комиссия по истории исторической науки Академии наук СССР и развитие историографических исследований в середине 1940-х – начале 50-х гг. // Исторические записки. Вып. 16 (134). М., 2016. С. 327–344 (1,1 п.л.).
36. Тихонов В.В. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в Московском историко-архивном институте (1948–1949 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной научной конференции. Москва, 13–15 апреля 2017 г. М., 2017. С. 306–308 (0,15 п.л.).
37. Тихонов В.В. Н.М. Карамзин в советских историографических исследованиях 1940-х – середины 50-х гг.: парадоксы «реабилитации» // Карамзин и его эпоха: материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 18–19 октября 2016 г.) / сост. Л.А. Сидорова, В.В. Тихонов. М., 2017. С. 89–94 (0,4 п.л.).

Подписано в печать 14.06.18. Формат 60x84/16.
Тираж 100 экз. Заказ № .

Издательский центр Института российской истории РАН
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19